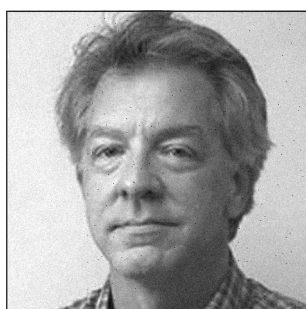

Э

ЛИМИНАТИВИЗМ И СОЗНАНИЕ

Джеймс К. КЛАГГЕ (США)

Предпринимается попытка критики элиминативизма (концепции, отрицающей содержательность интенциональных терминов и субъектно-ориентированного дискурса в области философии сознания) с точки зрения защиты концепции народной психологии, для которой, как показывает автор, использование Я-концепций является неизбежным. Автор предлагает анализ народной психологии как эволюционирующей позиции и ставит под сомнение возможность будущей замены понятий народной психологии терминами нейрофизиологии.

Ключевые слова: сознание, Я-концепции, элиминативизм, народная психология.

Элиминативизм в философии мышления – это позиция, которую практически все любят критиковать, и все же в ней есть своя соблазнительная прелесть, как и в атеизме, и в аморализме. Сторонники считают ее единственно приемлемой с научной точки зрения; остальным до такой степени серьезное отношение к науке кажется слишком смелым. На мой взгляд, постановка проблемы статуса и возможной судьбы психологических понятий делает честь элиминативистам. Но я также считаю, что эту проблему нужно рассматривать

не только в контексте прогресса нейронауки, но и в более широком контексте. Только тогда можно справедливо оценить условия, при которых наш психологический подход либо оправдывается, либо отвергается. Данная статья должна стать частью более фундаментального исследования, которое я называю «концептуальной аксиологией»: изучение подходящих оснований для оценки понятий.

Основа критики элиминативистов заключается в следующем: психологические понятия, такие, как «убеждение», «желание» и «намерение», – часть целой цепи понятий, используемых для изложения теорий и объясняющих поведение человека. Эта «народная психология» используется для описания, объяснения, понимания и предсказания человеческого поведения. Поскольку данная теория претендует на научность, она должна оцениваться стандартами лучшей из известных наук. И здесь – в свете нейронауки – она уже до некоторой степени оказалась и, вероятно, окажется в еще большей степени ошибочной и уязвимой. Упадок народной психологии наступил так поздно по сравнению с другими «народными» науками – народной физикой и народной медициной – лишь потому, что нейронаука достаточно недавно стала столь же сложной, как физика и медицина.

Философы не согласны с элиминативизмом по разным причинам. Хотелось бы обсудить ряд вопросов, которые, по моему мнению, особенно интересны и при этом недооцениваются. Но я также хочу выявить и те аспекты, в которых концепция элиминативизма была бы состоятельна.

Основная проблема заключается в следующем: понятия народной психологии используются не только благодаря своей теоретической роли в объяснении и предсказании поведения человека (хотя они используются и в этой роли, как уверяют Черчленды¹), но и при обдумывании и планировании действия. Таким образом, область применения понятий народной психологии не исчерпывается потребностями науки. Следовательно, оценивать понятия народной психологии, вероятно, нужно не только с точки зрения научных стандартов.

Подобное мнение было ясно сформулировано Дж. Кимом: «Интенциональная психологическая схема – т.е. набор убеждений, желаний и намерений – такая схема, в рамках которой мы размышляем о целях и средствах и оцениваем ра-

¹ Churchland P. S. *Neurophilosophy: Toward a Unified Science of the Mind/Brain*. Cambridge, MA : MIT Press, 1986. P. 395–400. Churchland P. V. *Matter and Consciousness*. Revised edition. Cambridge, MA : MIT Press, 1988. P. 43–49.

циональность действий и решений. Это структура, которая делает наши нормативные и оценочные действия возможными. Ни одна описательная структура, например в нейрофизиологии и физике, какой бы теоретически всесторонней и предсказательно сильной она ни была, не может ее заменить. Пока мы думаем о себе как о рефлексивных агентах, способных к обдумыванию и оценке, т.е. пока мы расцениваем себя как агентов, способных к действию в соответствии с нормой, мы не сможем обойтись без интенциональной структуры убеждений, желаний и намерений»².

(Не знаю, формулировал ли Ким это представление от имени Дэвидсона или от своего собственного.) Данное представление находит свои корни у Аристотеля, Канта и Витгенштейна. Хотелось бы разработать это основное возражение подробнее.

Согласно элиминативизму, точные психологические понятия необходимы в передовой нейронауке, чтобы объяснять и предсказывать, как и почему люди действуют так, а не иначе. Поскольку человек обдумывает и взвешивает возможные варианты, нейронаука должна будет объяснять и предсказывать и это тоже. Но понятия, которые при этом понадобятся, сами могут оказаться недостаточными для выполнения рассуждений, которые были так хорошо объяснены. Например, для акта рассуждения необходимы понятие единства рассуждающего субъекта и понятие свободы в ситуации выбора между вариантами, т.е. такие понятия, которые, в сущности, не являются нужными и полезными ни для объяснения ситуации со стороны, ни для предсказания развития ситуации изнутри. Так, вполне адекватное мнение третьего лица может оказаться непригодным с точки зрения первого лица.

Складывается ощущение, что элиминативист зависит от следующего стандарта: процесс рассуждения (например, в рамках народной психологии), включающий ряд понятий (таких, как убеждение, желание и намерение), является истинным, только если множество понятий, необходимых для участия в этом процессе, есть подмножество (хотя не обязательно истинное подмножество) множества понятий, необходимых для объяснения процесса. Я добился бы наилучшего эффекта, придумав аналогию, для которой этот стандарт очевидно бы не работал. К сожалению, так как «участие»,

² Kim J. "Psycho-Physical Laws" in *Actions and Events: Perspectives on the Philosophy of Donald Davidson*; eds., E. LaPore and B. McLaughlin, Oxford : Blackwell, 1985.

присущее только разумным существам, редкое явление в природе, рассматриваемый процесс может стать уникальным.

Тем не менее описанный стандарт кажется неправдоподобным. Неясно, почему участие должно быть подчинено объяснению. Этот стандарт, по-видимому, нарушает понимание науки, которое становится в этом случае неприемлемым: ученый, как изолированный наблюдатель, стоит полностью вне системы, которую изучает. Хотя фактически ученый – самостоятельное мыслящее существо. Ученые должны продумывать организацию экспериментов и выбор между альтернативными гипотезами. В применении так называемых научных стандартов к различным практикам нельзя игнорировать практику самой науки.

Есть еще одна странность в мнении элиминативистов о том, что понятия должны рассматриваться исключительно с точки зрения их пригодности к составлению успешных объяснений: в большинстве случаев научного теоретизирования мы полагаем, что его объекты существуют в основном независимо от теоретизирования о них. Объясняемое само по себе является данностью. Но это совершенно не верно в отношении человеческого поведения, если применять элиминативистский стандарт для оценки понятий. Предполагается, что процесс приближения к пониманию человеческого поведения через нейронауку дает начало новым формам самопонимания, которые, вероятно, сами в свою очередь повлияют на человеческое поведение. Следовательно, если элиминативисты правы, процесс теоретизирования о каком-либо явлении приведет к изменениям в этом явлении. Вряд ли это можно назвать стандартным случаем научного прогресса. Это напоминает весьма проблематичный факт из квантовой механики, где самый акт извлечения информации о системе с необходимостью приводит к изменению в системе из-за неуклюжести методов сбора информации в сравнении с тонкостью исследуемой системы.

На мой взгляд, теперь есть возможность видеть, почему при попытках оценить определенные понятия, такие, как наши народно-психологические Я-концепции, мы не ограничиваемся лишь точным предсказанием и объяснением явлений, охваченных этими понятиями, т.е. явлений человеческого поведения.

Если нас интересует оценка Я-концепций, есть масса вопросов, которые мы могли бы задать в дополнение к вопросу

элиминативистов: какие из Я-концепций больше других способствуют точному предсказанию и объяснению поведения? Мы могли бы также спросить, например, какие из Я-концепций больше других способствуют творческому потенциалу? Оптимизму и энергичной деятельности? Пониманию друг друга? Плодотворному сотрудничеству? Единству целей? Задавая такие вопросы, мы приходим к пониманию того, что наши Я-концепции могут быть привязаны к многим вещам, находясь под их влиянием и влияя на них в дополнение к вертикальным отношениям этих вещей с нашим мозгом. Существует множество видов горизонтальных отношений с социальной деятельностью вообще.

Некоторые примеры значимости этих горизонтальных отношений можно увидеть в истории и антропологии. Элиминативисты столь озабочены акцентированием инертного характера нашей народной психологии, что они не замечают аспекты, в которых народная психология очевидно изменилась. Возможно, существуют примеры, лучше иллюстрирующие сказанное, но я сосредоточусь на том, с которым я наиболее знаком, – на народной психологии поэм Гомера. А. Адкинс проделал интереснейшую и впечатляющую работу по сравнению психологии Гомера с нашей нынешней. В заключение своего исследования он пишет:

«Язык, используемый в поэмах Гомера..., предполагает, что человек Гомера имеет чрезвычайно фрагментированный психологический и физиологический опыт. Такие слова, как *thumos* [дух], *kradie* и *etor* [сердце], намного сильнее бросаются в глаза, чем индивидуальность в целом, и обладают значительной степенью автономии. Точно так же очень мало упоминается тело целиком, больше упоминаний его частей; и о них может говориться как об инициаторах действия в той же мере, как о *thumos* и о подобных психологических явлениях. (Действительно, различие между психологическими и физиологическими явлениями несущественно в поэмах Гомера...) К тому же «спектральный баланс» часто присутствует как психологическая модель перехода от мысли к действию: грек Гомера говорит: «мне показалось более правильным...», а не «я решил...». Кроме того, боги часто изображаются иницирующими человеческое действие, «закладывающими в человека» импульс (или идею), что опять же предполагает, что человек Гомера полностью осознавал элемент спонтанности в своем психологическом опыте; к тому же он очень эмоционален и разграничивает свои эмоциональные реакции в незнакомой нам манере. Фактически можно было бы

сказать, что человек Гомера ощущает себя не как единство, а как множество с нечеткими границами»³.

Вообще описанная Адкинсом психология персонажей Гомера содержит элементы, которые, судя по всему, были заново открыты путем переосмысления наших Я-концепций в нейропсихологии, – соединение психологического и физиологического и фрагментация нашего воображаемого психологического единства. Совпадение ли это?

Было бы интересно узнать, почему у людей Гомера было именно такое самопонимание и почему у нас оно отличается. Ясно, что на эти вопросы нет ответов. Но есть одно предположение: первоначально самопонимание возникает из чистой нейрофизиологии, но возрастающее влияние и усложнение общества приводят к его постепенным трансформациям. Предположение самого Адкинса о том, почему мы отличаемся от «гомеровцев», связано с различиями в природе общества. Гомеровцы (опять же в пределах классической Греции) жили в мелкомасштабном обществе, в котором нестабильность и личные трудности выглядели пугающими. Психология Гомера хорошо ложилась на ту ситуацию. С упадком полисов и господством этнического государства в эллинистический период гомеровская психология устарела и благодаря влиянию стоицизма постепенно была вытеснена чем-то вроде нашей Я-концепции.

Верное или нет, но здесь предложено объяснение, каким образом социальные факторы могут оказаться значимыми для формирования самопонимания. Действительно, как с этим спорить? Психологические понятия можно оценивать с точки зрения того, насколько хорошо они помогают людям жить плодотворной и счастливой жизнью при тех социальных обстоятельствах, в которых они оказываются. Так выглядел бы характерный марксистский анализ: психологическая Я-концепция – всего лишь элемент идеологической надстройки эры. Это – побочное явление экономического способа производства. Такой взгляд может показаться чересчур консервативным относительно существующих социальных структур. Возможно, Я-концепции должны оказывать влияние на социальное развитие, а не просто быть зависимой переменной. Но элиминативисты, кажется, впадают в другую крайность, предполагая, что Я-концепции могут быть полностью независимой от социальных структур переменной.

³ Adkins A. W. H. *From the Many to the One: A Study of Personality and Views of Human Nature in the Context of Ancient Greek Society, Values, and Beliefs*. Ithaca, N.Y. : Cornell University Press, 1970.

Марксисты посчитали бы это либеральной иллюзией. Я лишь предполагаю, что эти явления не могут быть полностью независимыми.

Теперь к антропологии. В процессе создания своего знаменитого «Дела против верования» С. Стич⁴ несколько раз обращается к работе антрополога Р. Нидхэма⁵. Нидхэм утверждает (в книге «Верование, язык и опыт» (Belief, Language, and Experience)), что понятие «верования» (belief) в английском языке – не изначальная категория и не должно иметь аналогов во многих других языках. Или, возможно, более правильным было бы сказать, что членение психологического опыта во многих других языках не точно совпадает с понятием верования в английском языке. О чем это говорит? Отбросив шовинизм относительно английского языка, мы увидим, что нет ничего священного в нашем понятии «верования» и в народной психологии, созданной вокруг него. Но это, конечно, не показывает и даже отдаленно не предполагает, что народная психология может меняться под влиянием нейронауки.

Далее Нидхэм утверждает, что понятие намерения (intention) – универсальное понятие (что с точки зрения Стича весьма странно). Кроме того, Нидхэм подчеркивает важность понимания социально-контекстного фона в создании психологических аскрипций для любого понятия, схожего с понятием верования. Эта чувствительность к контексту абсолютно чужда подходу элиминативистов к созданию схемы самопонимания. Наконец, на решающем этапе определения того, как научная психология влияет на функцию рассуждения народной психологии, важно понимать, что даже если в других языках нет точного аналога понятия верования, в них все же есть ряд понятий, так или иначе обеспечивающих возможность рассуждения (если только рассматриваемые языки и культуры не так далеки от нас, как гомеровские греки).

Мы снова подходим к вопросу о том, почему народные психологии в других культурах не похожи на нашу? Хотя на этот вопрос может быть много ответов и ни один из них не будет окончательным, все они должны будут признать значимость вариативности социальных и физических обстоятельств. Это еще одно напоминание о важности других видов отношений помимо вертикальных отношений с нейронаукой.

⁴ Stich S. From Folk Psychology to Cognitive Science: The Case Against Belief. Cambridge, MA : MIT Press, 1983.

⁵ Needham R. Belief, Language and Experience. Chicago : University of Chicago Press, 1972.

Возможно, элиминативисты и не стремятся отрицать эти другие виды отношений, а просто утверждают, что они не должны учитываться как независимые факторы при оценке концепций: без сомнения, наши Я-концепции формируются под влиянием всех видов факторов, но они должны формироваться только в соответствии с целями науки. Но почему у целей науки должен быть такой приоритет в жизни? Почему только они должны оказывать влияние на наши Я-концепции? Из широкого социального контекста я не вижу ни одного поддерживающего критику ответа на этот вопрос. Предполагаемые аналогии с оценкой народной физики, народной медицины и народной химии здесь неуместны именно потому, что никто никогда не сомневался, что эти явления были изначально научными.

Но возможно, элиминативист может привести более узкофилософскую причину того, чтобы в свете науки ставить основным критерием оценки ее успешность. Даже если понятия народной психологии имеют целью в равной степени и рассуждение и объяснение, эти два типа целей тесно связаны. Рассуждение интересно нам только в том случае, если оно объясняет действие, и оно справится с этим, только если спровоцирует действие. Таким образом, какое бы мнение мы ни высказали о психологии, оно должно быть таким, чтобы суметь войти в причинную схему, которую мы понимаем под наукой. Таким образом, наука и есть подходящий стандарт для оценки психологических понятий.

Тема ментальной каузальности получила широкое обсуждение. Есть много ответов элиминативистам по этому пункту. Хотелось бы предложить еще один. Понятие каузальности не высечено в камне, как и другие понятия, о чем нам впервые напомнили элиминативисты. Будет ли оно и дальше основной проблемой для человечества, или оно расширится настолько, что сможет поглотить сознание, – на эти вопросы мы сейчас ответить не можем. Соответственно мы сами не можем создать необходимость встраивать психологические понятия в причинную схему, что, как теперь ясно, является единственным критерием для оценки таких понятий.

С проблемой каузальности может быть связан вопрос о реализме. Возможно, расчетливое научное отношение – единственный способ обеспечить реализм в отношении сознания. Вопрос о том, сможет ли такой реализм после реформ элиминативистов быть с уверенностью назван реализмом сознания, остается открытым для серьезного обсуждения. Но в любом случае неясно, почему сохранение реализ-

ма должно быть важным мотивом. Почему аскриптивизм столь трудно принять? Почему наши Я-концепции должны быть продуктом суровой реальности? Почему мы не можем видеть их в качестве социальных конструкций, которыми они с такой очевидностью являются?

В лучшем случае вопросы, поднятые реализмом, и проблема ментальной каузальности должны быть одними из многих факторов, учитываемых при оценке психологических понятий.

Основное допущение элиминативистов при рассмотрении Я-концепций заключается в том, что наука – это некое свободное от ценностей явление, которое может одобрять или критиковать понятия, не связывая себя с какими-либо конкретными ценностями. Но все мы знаем, что это не так. Ценность научного прогресса и его результатов – это лишь одна из целого ряда ценностей, и изменения человеческих Я-концепций не очень хорошо видны с этой очень узкой позиции.

Последняя проблема, которую бы мне хотелось рассмотреть, не является характерной для элиминативизма, но очень существенна для многих попыток оценки и преобразования наших понятий и методов. Я назову ее проблемой преждевременного теоретизирования. Эта проблема характерна для элиминативизма, марксизма и некоторых религий: что мы должны сейчас сделать из того, что предположительно появится позже? В частности, есть ли у будущего своего рода нормативное влияние на настоящее?

Многие люди скорее всего согласятся, что когда-нибудь в будущем понятия нейронауки о самопонимании смогут заменить понятия народной психологии. Давайте предположим ради дискуссии, что с учетом всех обстоятельств это будет положительным событием. Но это не означает, что понятия, которые мы имеем сейчас, не подходят для настоящего времени, и также не означает, что было бы лучше попытаться изменить их сейчас. Действительно, неясно даже, что значит пытаться изменить какие-либо понятия. Кто такие «мы», которые станут это делать, и что вообще означает «пытаться»? Не является ли изменение понятий случайным результатом других событий, а не преднамеренным действием? Даже в пределах науки научные революции не совершаются по чьей-то воле, скорее они – результат многих преобразований на уровне отдельных людей и целых институтов, которые множатся разнообразными социальными силами в пределах научного сообщества. Будущее изменение понятий может стать

темой для приятной беседы за коктейлем или для научной фантастики, но это всего лишь идея для вербовщиков, а их компанию никто не любит.

Параллельный спор существует в марксизме о человеке в истории. Ортодоксальный исторический детерминизм считает, что коммунистическая революция и следующее за ней преобразование человеческой природы и Я-концепций произойдут тогда и только тогда, когда сложатся надлежащие экономические условия. Прямое революционное действие является или бесполезным или ненужным. Ревизионистский марксизм утверждает, что революционная деятельность будет полезна, когда созреют экономические условия, потому что революционное преобразование не является прямым следствием этих условий.

Если элиминативисты походят на ортодоксальных марксистов, то им лучше закрыть тему народной психологии и продолжать исследования мозга. Если они походят на ревизионистов, то они должны рассмотреть, что за факторы препятствуют их революции, как требую я, и определить ту цену, которую придется заплатить за пренебрежение этими факторами. (Марксисты в этом вопросе позорно провалились.)

Фактически энтузиасты науки часто переоценивали потенциальное влияние науки на обычные способы мышления. Когда элиминативисты приводят в пример флогистон и теплород, важно понимать, что они никогда не были понятиями какого-либо вида народного мышления. Это были понятия ученых, которые в конечном счете отказались от них в пользу других понятий. Никто не сомневается, что психологи могут изменить свой способ мышления о людях. Вопрос в том, могли ли сами люди самостоятельно менять свои способы мышления о вещах, и если да, то по каким соображениям. Уроки прошлого относительно этой проблемы рождают меньший энтузиазм. Понятия нашего здравого смысла о пространстве, времени и объеме несколько не изменились, несмотря на то что эти понятия, по мнению здравого смысла, не играют никакой роли в физике.

Более интересный и сложный пример проблемы такого рода – отношения между наукой и религией. С ростом науки и ее развивающейся способности объяснять все явления было бы естественно предположить, что это приведет к крушению религии (по крайней мере, в пределах научно продвинутых обществ). Но этого не произошло. У религии, конечно, нет того преимущества, которое она когда-то имела, но тем не менее она продолжает быть жизненной силой в обществе. Неко-

торые видят науку и религию в фундаментальном конфликте друг с другом – это точка зрения в основном атеистических ученых и религиозных фундаменталистов. Но другие не видят в этих двух мировоззрениях несовместимости, среди таких людей много религиозных ученых и осведомленных в науке верующих. В то же самое время как религия лишилась господствующего положения, она тоже, без сомнения, подверглась коренным изменениям (например, некоторые ее конфессии отказались от своих претензий на объяснение космологии). Кто-то скажет, что она из-за этого перестала быть религией. Но тот факт, что многие продолжают называть себя религиозными, несмотря на отказ от этих объяснительных претензий, кажется, говорит против такой интерпретации.

Народная психология вполне может развиваться по тому же пути, отказываясь от одних объяснительных претензий, в то же время сохраняя другие и сохраняя другие функции. Однако бессмысленно пытаться гадать на кофейной гуще. Маркс был вообще весьма сдержан в обсуждении будущего коммунистического общества, оставляя его характер в значительной степени неописанным. Обычно ему было достаточно думать о нем как о любого рода общественном строе, выросшем из коммунальной собственности средств производства. Можно только пожелать элиминативистам такого же здравого смысла.

Перевод М. В. Рубец